

УКРАИНСКИЙ ВОПРОС ВО ВТОРОЙ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ В 1920-Е ГОДЫ: ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Александр ТУРЧАК,

доцент

Львовского государственного университета внутренних дел

Summary

The article deals with the elucidation of the Polish state policy concerning ukrainian question. The historical and legal aspects of the Ukrainians' position in the Second Rzeczpospolita, that have been determined by the state policy concerning national minorities in the sphere of the local self-government, religious relations, language policy, national school and others, are examined.

The ukrainian political forces and public requirements on the «national and cultural» and «national and state» autonomy of Poland are observed. It is underlined that in the beginning of 1920th the Polish governmental groups adhered the politic of the Ukrainian population force denationalization then in the second half of 1920th they pulled out the program of national minorities state assimilation.

Key words: Poland – Second Rzeczpospolita, ukrainian question, political parties, greco-catholic church, national school.

Аннотация

В статье рассматривается государственная политика Польши в украинском вопросе в 1920-е годы. Исследованы историко-правовые аспекты положения украинцев во Второй Речи Посполитой, которые определялись государственной политикой в отношении национальных меньшинств в сфере местного самоуправления, религиозных отношений, языковой политики, национальной школы и др.

Рассмотрены требования украинских политических сил и общественности «национально-культурной» и «национально-государственной» автономии в Польше. Подчеркнуто, что если в начале 1920-х польские правительственные группы придерживались политики принудительной денационализации украинского населения, то во второй половине 1920-х гг. они выдвинули программу государственной ассимиляции национальных меньшинств.

Ключевые слова: Польша – Вторая Речь Посполитая, украинский вопрос, политические партии, греко-католическая церковь, национальная школа.

Постановка проблемы. Национальные движения украинцев и поляков в Галичине начали особенно активно развиваться в середине XIX века, что было связано с событиями революции 1848-1849 гг., охватившей европейские страны и Австро-Венгрию в том числе.

В начале XX ст. национальные движения в этой австрийской провинции вошли в стадию межнационального противостояния, которое переросло в польско-украинскую войну 1918-1919 гг., в результате которой Польша оккупировала Восточную Галичину, населенную преимущественно украинским населением, а вскоре и украинскую Западную Волынь. Ввиду этого украинская проблема оставалась для Польского государства важной не только с точки зрения внешних аспектов, поскольку украинцы ориентировались на национальные политические силы в эмиграции, а также на украинское социалистическое государство – Советскую Украину, но и внутренней проблемой – украинский вопрос оставался катализатором политических национальных движений на всем протяжении существования Второй Речи Посполитой в 1918-1939 годы.

Цель работы состоит в создании комплексного исследования украин-

ского вопроса именно в 1920-е годы, когда украинский территориальный массив и его население оказались в составе Польши и когда создавалась национально-регуляторная политика государства.

Состояние исследования. Проблема исследовалась польскими учеными Т. Бровареком, Г. Халупчаком, М. Папежинской-Турек, которые, однако, видели украинскую проблему лишь в контексте существующей польской государственности, меньше уделяли внимания вопросам национально-государственного строительства самих украинцев. Современная украинская историография Второй Речи Посполитой (Б.И. Тищик, Л.А. Зашкильняк, О.Я. Красивский и др.) достаточно репрезентативная, однако украинский вопрос в Польше в 1920-е годы ими не рассматривался как отдельное направление научного поиска.

Изложение основного материала. После Первой мировой войны и национально-политических противостояний и конфликтов 1918-1919 гг. западноукраинские земли (Восточная Галичина и Западная Волынь) оказались в составе новообразованного Польского государства – Второй Речи Посполитой. Национальный вопрос в государстве стоял очень остро ввиду того,

что даже по официальной статистике национальные меньшинства составляли 30,8% всего населения Польши (в стране насчитывалось 69,2% поляков, 14,3% – украинцев, 7,8% евреев, 3,9% белорусов, 3,3% немцев, 0,9% других национальностей) [1, с. 191].

Украинцы составляли большинство в восточном регионе государства (т. наз. «восточные крессьы») и имели определённый опыт национально-государственного строительства: в ноябре 1918 г. во Львове была образована Западно-Украинская Народная Республика, а с ноября 1918 г. до середины июля 1919 г. происходила польско-украинская война, в результате которой украинцам не удалось отстоять свою государственность.

Однако украинские политические круги в этой послевоенной ситуации надеялись на решение украинского вопроса на переговорах стран Антанты в Версале, а позже связывали свои национальные приоритеты с поддержкой Лиги Наций.

Решение Совета Послов от 15 марта 1923 г. о передаче Восточной Галичины под суверенитет Польши окончательно положило край планам галичских политиков на решение странами Антанты их национально-государственного вопроса. Внешнеполитический фактор

привел к изменениям намерений украинского политического лагеря: украинская политическая элита разделилась на две группы «непримиримых», которые стояли на позициях непризнания польской оккупации Восточной Галичины и продолжения борьбы до «ее победного конца» и «реалистов», которые выступали за поиск условий ограниченной украинской жизни в составе Польши. Последняя ориентация нашла распространение среди руководства Украинской народно-трудовой партии (УНТП), позднее – Украинского Национально-Демократического Объединения (УНДО) – В. Охримович, М. Струтинский и другие, а также украинских консерваторов, связанных с греко-католической церковью [2, с. 158].

В свою очередь, польские правительственные круги, представленные преимущественно национальными демократами, рассматривали решение Совета Послов как «карт-бланш» в решении украинского вопроса, но не использовали удобного момента для согласия с «реалистами».

На начальном этапе польской государственности украинские политические силы и особенно представители греко-католических церковных кругов видели решение собственного национального вопроса в «национально-культурной» и «национально-государственной» автономии в Польше и поэтому рассматривали возможности переговорного процесса как на международном, так и на внутреннем уровне.

Содержание украинско-польских отношений в государстве определялось ходом переговоров, прежде всего на Святоюрской горе во Львове в 1921 году, которые происходили в формате секретности. Украинскую сторону представлял Тит Войнаровский. Он отстаивал положение, что поляки должны дать Восточной Галичине широкую автономию и только заграничные дела и вооруженные силы должны быть под общим руководством; галицкое правительство должны возглавить украинцы; польско-украинское соглашение должно было быть утверждено Лигой Наций. Представитель варшавского правительства М. Лось настаивал на том, чтобы украинские политики, находящиеся в эмиграции, менее активно выступали на международной арене с критикой национальной политики в

государстве и украинского вопроса в частности, не создавая Польше лишних проблем [3, с. 218].

После подписания Рижского договора между Польшей, Советской Россией и Советской Украиной в 1921 г. львовский митрополит А. Шептицкий едет в Рим в надежде найти западных союзников в решении украинского вопроса – для поддержки неприсоединения Восточной Галичины к Польше. Польские разведывательные органы постоянно информировали власти о деятельности митрополита, а по его возвращении в 1923 г. А. Шептицкий был арестован на польско-чехословацкой границе, и только вмешательство варшавского нунция определило его освобождение из-под стражи и возвращение во Львов [4, с. 151].

По окончании польско-украинской войны польское правительство искало разные способы для разрешения в свою пользу вопроса о Восточной Галичине. В июне 1921 г. на заседании католических епископов в Кракове было решено провести общий съезд с греко-католическими епископами и обсудить вопрос преодоления польско-украинских разногласий. Подобной позиции придерживался станиславский греко-католический епископ Г. Хомишин, считавший, что епископат может разрешить острую национальную проблему в государстве. Однако Г. Хомишин считал, что идея таких переговоров должна была бы исходить от папского нунция в Варшаве [5, с. 153].

Идея съезда не была воплощена в жизнь. Католический епископ во Львове Ю. Бильчевский письме к министерству в делах религий писал, что в отличие от Г. Хомишина, который высказывался за участие в съезде, перемышльский греко-католический епископ И. Коциловский и генеральный викарий львовской митрополии А. Бачинский, который был заместителем на время отсутствия А. Шептицкого, интереса к съезду не проявили: «ненависть греко-католического духовенства к нам настолько велика, – писал Ю. Бильчевский. ... что следует воздержаться с проведением съезда до окончательного решения вопроса об восточных границах» [5, с. 153].

В 1922-1923 гг. инициатива польско-украинской «нормализации» исходила из среды польских правитель-

ственных кругов, представленных национальными демократами (эндеками) и консерваторами. Они были заинтересованы в решении украинского вопроса, поскольку в этом случае получили бы от Антанты подтверждение мандата на сохранение в своем государстве западноукраинских земель.

После многочисленных, в основном тайных, переговоров и контактов с галицкими украинскими политиками как во Львове (Межпартийная Рада), так и в эмиграции (диктатор Е. Петрушевич), польское правительство консерватора Ю. Новака летом 1922 г. провело в Сейме отдельные законы, среди которых наиболее важным был закон об основах воеводского самоуправления. Документ обязывал в течение двух лет ввести элементы территориальной автономии в Восточной Галичине, создать украинский университет. Следует подчеркнуть, что на эти решения польские правительственные круги пошли в одностороннем порядке, поскольку все переговоры с украинскими политиками зашли в тупик [2, с. 157-158].

Решение украинского вопроса в государстве рассматривалось польскими политиками в контексте общегосударственной стратегии в национальной проблеме. Её содержание определялось решением вопроса об национальном или многонациональном характере Польского государства. Народно-национальный союз (ННС) и Христианско-национальная партия труда (ХНПТ) пропагандировали инкорпоративное присоединение восточных окраин, унитарное построение Польского государства и национальную ассимиляцию украинского населения. К этому политическому спектру примыкали консервативные круги – Христианско-национальная партия (ХНП) и Христианско-национальная земледельческая партия (ХНЗП), которые составляли умеренный лагерь и вошли в объединенный блок правых сил – Христианский союз национального единства (Хиена).

Однако решение Совета Послов от 15 марта 1923 г., которое санкционировало аннексию западноукраинских земель Польшей, ввело украинский вопрос в ранг внутренней проблемы государства, стало катализатором в попытках реализации национальными демократами доктрины национальной державы. Выдвигался лозунг создания

правительства польского большинства. Это означало, что национальные меньшинства отодвигались от влияния на государственную политику. На этой основе происходило сближение «Хиены» с крестьянской партией – Польской народной партией «Пяст» (ПНП-П), которая была нацелена на колонизацию западноукраинских земель путем решения аграрной реформы – передачи земель в регионе польским крестьянам.

После подписания 17 мая 1923 г. между «Хиеной» и «Пястом» Ляницкоронского пакта (Ляницкорон – местность под Краковом, где происходили переговоры) создавалось правительство польского большинства, обеспечивался национальный характер Второй Речи Посполитой и возрастала ассимиляционная политика на «восточных кресах», которая достигалась путем создания лучших хозяйственных условий польскому элементу и ускорением земельной реформы при одновременном неучастии украинского крестьянства в парцеляции.

Акцент делался на первоочередную польскую колонизацию стратегически важных земель – пригородной зоны, придорожной и приграничной полосы, и тех регионов, где можно было достичь польского большинства, – Волянь и Подолия. Была поставлена задача «компактным польскими валом» расчленив украинскую этническую территорию с целью ее дальнейшей колонизации [6, с. 192].

В 1924-1925 гг. в правительственных кругах Польши развернулась острая борьба по украинскому вопросу, в которой национальные демократы и правые польские политики блокировали попытки левоцентристских сил воплотить в жизнь закон от 26 сентября 1922 г. (считалось, что проведение реформы местного самоуправления приведет к усилению позиций национальных меньшинств на местах). Аргументами правых были антипольские акции, осуществляемые представителями «непримиримых», которые прибегли к вооруженному сопротивлению и террористическим методам с целью поколебать польский авторитет в Восточной Галичине и Западной Воляни. По мнению национальных демократов, какие-либо уступки в пользу украинцев угрожали бы безопасности польской государственности. Они соглаша-

лись пойти лишь на мелкие уступки украинцам в культурно-национальном направлении при сохранении общего курса на перспективную ассимиляцию украинского населения.

После майского переворота 1926 г. и прихода к власти сторонников Ю. Пилсудского правящие круги Польши в украинском вопросе начали прибегать к тактике маневрирования и более изысканным средствам инкорпорации. Отдельные представители правящих политических партий понимали пагубность политики национальной ассимиляции украинцев, которую проводили национальные демократы, и поэтому провозгласили новую политику в национальном вопросе.

Программа пилсудчиков имела целью изменить скомпрометированную политику национальных демократов принудительной денационализации украинского населения федералистской (прометеистской) программой государственной ассимиляции, которая отличалась от первой только методами реализации (цель оставалась прежней) и должна была посеять иллюзии о равенстве наций и ликвидации национального угнетения. Проведение такой политики, по мнению пилсудчиков, должно было обеспечить лояльное отношение украинцев к Польскому государству, содействовать отходу части украинского населения от борьбы за национальное освобождение [7, с. 21-22].

Видимая либерализация польской политики в украинском вопросе нашла свое отражение в проекте культурной автономии украинцев, предложенном О. Дунин-Борковским, в деятельности отдела национальностей министерства внутренних дел, в заявлениях министерства образования, отдельных руководителей о намерении «разрешить» дело украинского университета и др. Однако все эти предложения так и остались на уровне неразрешенных проектов. Отдельные руководители министерств за их либеральные высказывания были даже уволены с должностей [7, с. 22].

На протяжении всего межвоенного периода важным для Польского государства оставался вопрос украинской национальной школы. Проблема обучения национальных меньшинств была поднята уже в декрете 1919 г., который обязывал проведение обучения всех

детей на уровне общеобразовательной школы. Фактически основное содержание этого декрета было заложено в законе 1924 г. (известен как «Lex Grabski» – «закон Грабского»), который на протяжении целого межвоенного периода регламентировал организацию учебы литовского, украинского и белорусского меньшинства.

Украинские политические силы выступили против этого закона [8, р. 267]. Прежде всего это было связано с тем, что закон давал возможность создания публичных школ с языком обучения определенного меньшинства только в том случае, если это меньшинство составляло не менее 25% общей численности населения гмины и не менее 40 родителей, которые принадлежали к одному школьному округу и имели детей школьного возраста составили соответственные требования-заявления. Проблема имела политический подтекст: польская власть пыталась ликвидировать украиноязычные школы, заменяя их на «утраквистические» – «двуязычные» которые на деле были польскими, а в местах компактного проживания польского населения образовывались только польские школы.

На местах власти очень часто рассматривали «языковые законы» по-своему – искали «серединный» вариант, который на практике вел к массовому образованию «утраквистических» школ вместо украинских. Фактически в этой сфере доминировал чиновнический произвол, особенно это чувствовалось во время проведения т. наз. плебисцитов – опросов родителей в вопросе языка обучения их детей.

Еще одна школьная проблема была связана с «почасовым» наполнением программ, то есть количеством учебного времени на изучение украинского языка в соответствии с определенными классами обучения и типом школы [9, р. 260].

Ежегодные плебисциты, в которых родители отдельного школьного округа определялись по существу языковых вопросов, вели к противостоянию с администрацией, обостряли отношения украинцев с поляками.

Во время проведения плебисцитов все украинские культурно-просветительные институции мобилизовали население для участия в этих мероприятиях. С украинской стороны к

этому делу также активно присоединялись политические партии и местные газеты.

Польская политика в области образования была направлена на постоянный рост польских школ, прежде всего в восточных воеводствах. Если в 1911-1912 гг. в Галичине действовало 2420 украинских начальных школ, то через десять лет число украинских школ составляло 2427 (возросло на 7), а польских – 2247 (возросло на 1257). Это был только первый этап строительства польских образовательных учреждений за счет украинских [10, с. 104].

Постоянное давление со стороны польской власти испытывало «Украинское педагогическое общество», принявшее в 1926 г. название «Ридна школа» и занимающиеся организацией частных школ (частные украинские школы создавались в связи с закрытием украинскоязычных государственных школ).

В 1920-х годах «Ридна школа» руководила 10 гимназиями, где обучалось 1902 учащихся, значительным количеством народных школ, 7 профессиональными (фахово-дополнительными) школами во Львове, Тернополе, Коломые. Небольшое количество частных школ всех звеньев не могло охватить значительное количество украинских детей, но в условиях ликвидации украинской государственной элиты, эти школы оставались очагами культуры, центрами сохранения лучших достояний украинского народа.

Руководствуясь ст. 6 и 7 закона, В. Грабский распоряжением от 18 июля 1925 г. обязал кураторию Львовского школьного округа постепенно объединять (начиная от первых классов) украинские гимназии во Львове, Перемышле и Тернополе с польскими гимназиями, преобразуя их таким образом в «утраквистические», где украинским языком должны были преподавать украинский и латинский язык, рисунок и физическую культуру» [11]. Эти действия министра вызвали возмущение украинских политиков, всего гражданства, начались выступления в прессе, массовые собрания и др. [12]. Организованные выступления украинцев вынудили В. Грабского отменить решение об объединении средних школ.

Вместе с тем в образовательной сфере Польского государства в 1920-е

годы доминировала тенденция к сокращению украинских и других национальных начальных и средних учреждений, нерешенным оставался вопрос об открытии украинского университета в Галичине.

Выводы. Украинский вопрос во Второй Речи Посполитой в 1920-е годы оставался важным для новообразованного государства как с точки зрения решения международных проблем, так и внутренней политики. На начальном этапе существования польской государственности проводилась политика национальной ассимиляции украинцев, которая после государственного переворота в Польше 1926 г. была заменена «прометеистской» политикой государственной ассимиляции, которая касалась местного самоуправления, языковых и религиозных проблем, национальной школы и др.

Список использованной литературы:

1. Тищик Б.Й. Польща: історія державності і права (X-початок ХХІ ст.) / Б.Й. Тищик. – Львів : Світ, 2012.
2. Зашкільняк Л. Спроби українсько-польського порозуміння в міжвоєнній Польщі: сподівання і реалії / Леонід Зашкільняк // Українсько-польські відносини в Галичині в ХХ ст. : матеріали міжнар. наук.-практ. конф. (Івано-Франківськ, 21-22 листоп. 1996 р.). – Івано-Франківськ : Плай, 1997. – С. 157-158.
3. Гаврилів І. Спроби «нормалізації» українсько-польських взаємин у 30-х роках / І. Гаврилів, І. Пилипів // Українсько-польські відносини в Галичині в ХХ ст. : матеріали міжнар. наук.-практ. конф. (Івано-Франківськ, 21-22 листоп. 1996 р.). – Івано-Франківськ : Плай, 1997. – С. 218.
4. Гладка Г. Суспільно-політична діяльність Митрополита Андрея Шептицького в контексті українсько-польських відносин (перша чверть ХХ ст.) / Г. Гладка // Українсько-польські відносини в Галичині в ХХ ст. : матеріали міжнар. наук.-практ. конф. (Івано-Франківськ, 21-22 листоп. 1996 р.). – Івано-Франківськ : Плай, 1997. – С. 151.
5. Красівський О. Митрополит Андрей Шептицький і польська держава (1918–1923 рр.) / О. Красівський, І. Пилипів // Українсько-польські

відносини в Галичині в ХХ ст. : матеріали міжнар. наук.-практ. конф. (Івано-Франківськ, 21-22 листоп. 1996 р.). – Івано-Франківськ : Плай, 1997. – С. 153.

6. Генік М. Політика «Хено-Пясту» в українському питанні (1923–1926) / М. Генік // Українсько-польські відносини в Галичині в ХХ ст. : матеріали міжнар. наук.-практ. конф. (Івано-Франківськ, 21-22 листоп. 1996 р.). – Івано-Франківськ : Плай, 1997. – С. 192.

7. Кугутяк М. Українсько-польські стосунки 20–30-х років: від конфронтації до «нормалізації» / М. Кугутяк // Українсько-польські відносини в Галичині в ХХ ст. : матеріали міжнар. наук.-практ. конф. (Івано-Франківськ, 21–22 листоп. 1996 р.). – Івано-Франківськ : Плай, 1997. – С. 21-22.

8. Browarek T. Mniejszości narodowe w Polsce 1918–1995 / T. Browarek, H. Chałupczak. – Lublin, 1998.

9. Papierzyńska-Turek M. Sprawa ukraińska w Drugiej Rzeczypospolitej. 1922–1926 / M. Papierzyńska-Turek. – Kraków : Wydawnictwo literackie, 1979.

10. Грицюк Ф. Політика польської влади щодо українського шкільництва в міжвоєнний період / Ф. Грицюк // Українсько-польські відносини в Галичині в ХХ ст. : матеріали міжнар. наук.-практ. конф. (Івано-Франківськ, 21-22 листоп. 1996 р.). – Івано-Франківськ : Плай, 1997. – С. 104.

11. Полонізація українських середніх шкіл // Діло. – 1925. – Ч. 189.

12. Проти полонізації українського шкільництва // Діло. – 1925. – Ч. 194.